

Теляковский Владимир Аркадьевич

**Императорские театры и 1905
год**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Аркадьевич Т.**
Императорские театры и 1905 год / Теляковский Владимир Аркадьевич – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 178 с.

ISBN 978-5-519-76450-6

ISBN 978-5-519-76450-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

театральная молодежь, целые группы артистов сцены стали добиваться возможности организоваться для защиты своих профессиональных нужд, а отдельные передовые работники театра открыто нарушали своими выступлениями установленные на казенной сцене традиции послушания и благонадежности.

В настоящее время, когда Октябрьская революция дала широкий простор профессиональному движению среди работников сцены, приучив их к мысли, что работа деятелей искусств также подлежит охране и профессиональной организации, как и всякая другая отрасль труда, — события, развертывавшиеся на сцене б. императорских театров в 1905—06 г., определяются как предвестники, пусть робкие и порой беспомощные и хаотические, того общественного и профессионального самосознания, укрепить которое является делом нашего ближайшего будущего. С этой точки зрения и интересно собрать фактические сведения, относящиеся к театральной жизни 1905—06 годов, дабы иметь возможность учесть их социологическое значение.

Мемуары В. А. Теляковского, с 1899 по 1907 г. стоявшего во главе состава Московских, а затем и Петроградских императорских театров, богаты фактическими данными, обрисовывающими обстановку, среди которой протекала работа на сцене казенных театров в 1905—06 гг. Но для правильного освещения публикуемых фактов, необходимо не упускать из виду, что их сообщает сановник-аристократ, постоянно лавирующий при проведении своих мероприятий между приемной министерства двора и кабинетом директора императорских театров. Отсюда вытекает то искажение общей перспективы, которое характерно для этих записок, совершенно не обрисовывающих главные истоки революционного движения 1905 г. — самоотверженную борьбу пролетариата. Зато смутные

олголосьи общественного подъяема в кругу закулисных интриг нередко принимаются, как реальное проявление революционных сил и «буря в стакане воды» изображается «первым планом», как некое решающее явление, что естественно не соответствует фактическим соотношениям. Только при таком рассмотрении «первым планом» могло появиться изображение Кшесинского как революционера или же опасливая оглядка на тогдашнюю прессу в лице «Нового Времени» и «Петербургской Газеты». Только учитывая чуждое нам освещение фактов, можно принять мемуары как материал для истории театра, которую еще предстоит написать исследователю.

А. Гвоздев.

I.

М. Г. Савина. — Постановка «Вишневого Сада» в Алекс. театре. — Московские впечатления. — Ген.-губ. Дурново. — Сходка в консерватории. — Тревожные слухи.

Не успел еще начаться сезон, как уже начались недоразумения с М. Г. Савиной!..

1-го сентября она заявила Гнедичу, заведующему русской драматической труппой, что хочет выступить «в настоящей и интересной роли». Пьесы, назначенные ей дирекцией, она для начала сезона считает неподходящими. «Сердце не камень» Островского — пьеса старая, а «Призраки» Ибсена и «Измена» Сумбатова — по ее мнению «вовсе не пьесы». Являлся вопрос, какую же вообще пьесу Марья Гавриловна считает для себя интересной, но это был ее личный секрет и пьесу она не называла, — повидимому надо было дирекции самой угадать!..

Все это конечно было нестерпимо...

Савина старилась, успеха прежнего и помину не было, а капризы не только не уменьшались, но с годами увеличивались. Прошлый сезон, пока она гастролировала в Одессе, до декабря не было никаких недоразумений в последовательности репертуара, — спектакли не срывались и можно было вперед распределять время репетиций и премьер. В этом сезоне уже в самом начале Савина за несколько дней до своего

первого выхода известила письмом Гнедича, что она заболела и первого своего выхода играть не может.

6-го сентября М. Г. Савина явилась ко мне и опять повторила, что пьесы ей назначенные по репертуару — не пьесы, ибо какие же это роли в пьесах Островского, Ибсена и Сумбатова... Нельзя в таких ролях выступать в начале сезона!.. Она решила ждать новой пьесы Трахтенберга и с нее думает начать сезон. Пьесой этой, как мы дальше увидим, оказалась «Фимка». Казалось бы, не стоило такой пьесы ждать до середины сезона, но с М. Г. Савиной спорить было трудно и бесполезно, кроме того она еще заявила, что «Измену» играть не будет, если не переменят режиссера, которому была поручена постановка. Пока же, не желая ставить дирекцию в необходимость давать новинки без нее, премьерши, — Мария Гавриловна хочет выступить в старой пьесе Зудермана «Отчий дом».

Драматический сезон Александринского театра был открыт 30 августа возобновлением пьесы Островского «Не все коту масленица», генеральная репетиция которой состоялась накануне вечером. М. А. Потоцкая, игравшая одну из главных ролей в пьесе, несмотря на то, что я, как директор, присутствовал в театре, — уехала, не докончив репетиции. Она заявила режиссеру А. А. Санину, ставившему пьесу, что ей по ее частным делам необходимо ехать в Петергоф с поездом 10, 45, — и она уедет не дождавшись конца репетиции. Санин протестовал, но безуспешно. Потоцкая считала, что по занимаемому ею исключительному положению в труппе она подобные штуки выкидывать может. В это время, как я уже говорил, она особенно занята была предоставлением свободных мест в театре раненым офицерам — так сказать, протезировала военным. Все к этому в общем привыкли и мне оставалось махнуть рукой, все равно не исправишь!..

8-го сентября состоялся первый в этом сезоне выход «несравненной» М. Г. Савиной в старой пьесе Зудермана «Отчий дом».

Представление оказалось весьма неудачным. Все, не исключая и Савиной, играли слабо. В сильных трагических местах Савина прямо вызывала смех. Она для этой роли состарилась, ничего не выходило — у нее сегодня и выражение лица было какое то неподвижное и злое — и несмотря на присутствие многих ее поклонников, — успеха она положительно не имела.

Неудачу спектакля и Савиной отметила пресса.

В «Петербургских Ведомостях» (10 сентября) — критик Зигфрид (Эдуард Старк) писал:

«В четверг в Александринском театре начались гастролы М. Г. Савиной. Не могу подобрать другого выражения, которое более удачно характеризовало бы совершившееся событие. Для своего первого выхода перед петербургской публикой, высокоталантливая гастролерша выбрала драму Зудермана «Отчий Дом». Можно бы дальше и не писать!..»

Далее автор говорит, что «Отчий дом» Зудермана в настоящее время — нестерпимо фальшивая пьеса, и что ее мораль потеряла всякое значение. Остается интерес роли «Магды», но роль эта потеряла свою жизненную силу и затрепана русскими и иностранными гастролершами.

«Александринская сцена, продолжает критик, занята делом: через неделю должны пойти «Вишневый сад», затем готовится «Сердце не камень» и «Призраки» Ибсена. Во всех этих трех пьесах занята Савина. Нет, всего этого мало — все назначенные на ближайший репертуар пьесы должны почему то поосторониться и дать дорогу... «Отчему дому», произведению, выдохшемуся, утратившему всякое художественное и общественное значение».

«Почему это? Отчего почтенная М. Г. Савина, провозгласившая: «сцена — моя жизнь», так упорно отстаивает свое право водворять в репертуаре Александринского театра всякую ненужность? Почему она не хочет также дарить и в новом репертуаре, как до сих пор дарила в старом? Надо сложить на полку «Отчий дом» и подобную труху, и дать

более содержательное, более отвечающее повывисившимся требованиям. Дайте же нам такое искусство, которое волновало бы нас, трогало, задевало за самые чувствительные струны!..

Но критик вскоре мог убедиться, насколько сочувствовала его горячим порывам несравненная Марья Гавриловна: она вскоре же провела на сцену Александринского театра новую посредственнейшую пьесу Трахтенберга «Фимку» и упорно отказывалась играть Ибсеновские «Призраки», говоря, что пьеса эта давно всем уже наскучила, и не может же она ее играть только потому, что А. Я. Головин приготовил декорации!.. — Вот ответ, по крайней мере, ясный, логичный и умный! А то все наивные критики хотят сбить М. Г. Савину с ее верного взгляда и пути. Нет, шалишь. Сама Марья Гавриловна десятки лет наблюдала и знает, что публике и образцовому театру нужно, чтобы в нем царствовать десятки лет, — а все эти философы со своими советами чем искреннее, тем М. Г. Савиной кажутся глупее... У Марьи Гавриловны припасен настоящий критик — Ю. Беляев, — он весь этот пресловутый репертуар, рекомендуемый наивным Зигфридом, разделявает в «Новом Времени» под орех, да еще того гляди сам напишет пьесу для образцовых театров...

И так шло из году в год с М. Г. Савиной. Про репертуар Александринского театра серьезные критики старались писать, ломали копья, а Марья Гавриловна как кот Васька «слушает да ест» и спокойно продолжает играть «Чародеек», «Фимок», «Пустоцветов» и т. п. произведения, иногда вспоминая и пьесы А. Суворина.

И напрасно иные критики думали сделать из М. Г. Савиной другую актрису!.. Свой репертуар она играла прекрасно и никто из русских актрис этот репертуар так играть не мог, а для нового репертуара и серьезных пьес она была не годна, за редкими исключениями — и это отлично сознавала.

Ее главная вина была та, что часто она из за своего личного репертуара мешала другим, а затем немилосердно лгала и интриговала. Этим она приносила подчас большой и длительный вред Александринскому театру.

Первой новинкой сезона, была постановка «Вишневого сада» Чехова.

3-го сентября я присутствовал в Александринском театре на репетиции «Вишневого сада». Пьесу ставил Ю. Э. Озаровский. Озаровский задался целью ставить «Вишневый сад» не копируя постановки Московского Художественного театра, — а иначе, причем однако старался непременно придумать побольше разных уверток и кунштюков — своих собственных. К. А. Коровин, присутствовавший на репетиции, смеялся над Озаровским, который от удовольствия своей изобретательностью все закатывал глаза.

Накануне генеральной репетиции «Вишневого сада» Гнедич получил оригинальное и в то же время историческое письмо от председателя театрального литературного комитета Вейнберга. Последний писал, что как председатель комитета он обижен, что дирекция... ставит пьесу Чехова «Вишневый сад», не дав ее предварительно на рассмотрение комитета, дабы запросить его мнение. Вот до чего додумались наши ученые старцы!... Конечно, не думаю, чтобы Петербургский Театрально-литературный комитет серьезно бы считал, будто бы они могут решать, годны ли пьесы Чехова к постановке!... Тут цель повидимому была более прозаическая — получить поактные за рассмотрение «Вишневого сада» — тем более, что вероятно пьесу бы эту Комитет и не зачитывал бы, она уже всем была достаточно известна!..

Премьера «Вишневого сада» состоялась 23 сентября. Конечно зрительный зал был переполнен публи-

кой. Многие посетители Александринского театра ждали этого представления и конечно сравнили исполнение пьесы с исполнением у Станиславского.

Печать отнеслась недружелюбно. Сравнивая, постановку с постановкой Московского Художественного театра, печать находила ее гораздо слабее, выделяя только несколько ролей отлично переданных нашими первачами.

В общем впечатление от спектакля получилось не особенно яркое и было видно, что боевой пьесой сезона — «Вишневый сад» не будет.

С третьего же представления сборы начали падать и хотя пьеса и прошла за сезон 13 раз, но далеко не на полных сборах.

24 сентября я выехал в Москву. Со мной ехали туда же управляющий Московской конторой императорских театров Н. К. фон-Бооль и худ. К. Коровин.

Бооль приезжал в Петербург по вопросу о прибавках рабочим и оркестрантам.

В Москве в это время уже начиналось сильное брожение, почему я и торопился с прибавками рабочим, на которых, конечно, влияли разные агитаторы, подбивая их сделать забастовку на почве недовольства содержанием. Было брожение по полученным мною сведениям и среди оркестра, тоже способного забастовать. Капельмейстер Большого театра С. В. Рахманинов был из тех людей, на которого нельзя было рассчитывать как на человека, способного забастовку не допустить, — напротив, он сейчас бы стал на сторону недовольных — он и так уже неоднократно высказывал мнение, что музыкантам мало платят.

Ехавши в поезде, мы по вечерним газетам узнали, что в Москве неспокойно, а когда приехали в Москву — беспорядки уже начались. Ни одна газета не вышла.

В 12 часов дня я лично убедился о состоянии, царившем в Москве, ибо, желая повидать московского генерал-губернатора Дурново, — я к нему не мог добраться, ибо на Тверской улице стояла толпа народа и казаки, окружавшие эту толпу, никого не пропускали. Пришлось вернуться.

Около 5 часов ко мне зашли Ф. Шаляпин, К. Коровин и Н. А. Римский-Корсаков. Собрались они у меня, чтобы обсудить вместе предполагаемую в Москве новую постановку оперы «Садко». Коровин предлагал поставить оперу более сказочно, совсем не руководствуясь историческими данными. Н. А. Римский-Корсаков этому сочувствовал, но говорил, что раз есть упоминание о Новгороде и Ильмень-озере — совершенно отрешиться от истории невозможно.

Затем начался разговор о современном положении в России вообще и в Москве в частности. Все ждали событий. Говорили и о новом московском генерал-губернаторе, большом балетомане, но едва ли подходящем в качестве администратора: — доверия он внушал мало, хотя люди, которые его видели, и говорили, что держит он себя просто и приветливо, но пока он получил известность только как страстный любитель балета.

Бооль мне рассказывал, что генерал Дурново уже два раза был в балете и раз в моей директорской ложе. В аванложу к себе он призывал свою «пташку», балетную петербургскую артистку ***, которая после беседы с ним вышла прямо из ложи на сцену, чем среди москвичей балетной труппы произвела сенсацию. Ее уже называют в Москве генерал-губернаторшей!..

Сам Дурново для степенного генерал-губернатора странно вел себя в балете: — высовывался из ложи, наклонялся в соседнюю ложу № 1, занимаемую другим московским балетоманом Востряковым и с этим представителем московских балетоманов делился впе-

чатлениям спектакля. Для московской публики это было явлением необычным. Балетоманы радовались и гордились своим новым коллегой, но на остальных эта развязность представителя власти не произвела положительного впечатления.

Вечером 25-го я посетил все три императорские московские театра. В театрах все было спокойно и благополучно. В Большом давали злополучное «Волшебное зеркало» Корещенко, балет столь много надевавший шума и скандала в Петербурге и принимаемый здесь с большим успехом. На этот раз однако генерал-губернатор-балетоман отсутствовал. Стрельба на улицах вывела его из беззаботного настроения веселого балетомана. — Он повидимому совсем не ожидал встретиться в Москве с такими неприятностями. Москва повидимому не успокаивалась.

На следующий день — настроение в Москве сделалось еще более угнетенным. Беспорядки в различных частях города не только не прекратились, но продолжались непрерывно и не видать было конца им. По городу ходили разные тревожные слухи. Так профессор Снигирев рассказывал, будто стало известным, что революционеры назначили к взрыву три здания: Успенский собор, Государственный банк и отчего то еще Большой театр.

Вечером был в Малом театре на представлении пьесы Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Разыграна была пьеса замечательно. Ленская, Лешковская, Правдин и старуха Никулина играли как по нотам.

С распределением ролей в этой пьесе в Московском Малом театре произошло недоразумение; обиделся старик Музиль, что роль его Крутицкого передана была Рыбакову. Музиль роль эту наследовал непосредственно от Шумского, первого исполнителя этой роли при постановке пьесы в 1868 г.